

ЭВОЛЮЦИЯ СТРУКТУРНОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ ТРАДИЦИЙ АНАЛИЗА ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Барматова Светлана Петровна – доктор социологических наук, заведующая кафедрой социологии и социального управления Академии труда и социальных отношений ФПУ

Стаття присвячена теоретичному синтезу результатів еволюції структурної та комунікативної традицій аналізу політики, що відбувається у сучасній соціологічній науці. Проаналізовано розвиток та закріплення просторової тематики у межах комунікативної традиції та евристичний потенціал просторового підходу до аналізу політики.

Ключові слова: структурно-функціональний аналіз політики; топологія; інформаційно-кібернетична модель політичної системи; комунікативна парадигма; інформаційно-комунікативний потенціал політики.

Статья посвящена теоретическому синтезу результатов эволюции структурной и коммуникативной традиций анализа политики, которая происходит в современной социологической науке. Проанализировано развитие и закрепление пространственной тематики (топологии) в пределах коммуникативной традиции и эвристический потенциал пространственного подхода к анализу политики.

Ключевые слова: структурно-функциональный анализ политики; топология; информационно-кибернетическая модель политической системы; коммуникативная парадигма; информационно-коммуникативный потенциал политики.

The article is devoted to the theoretical synthesis of results of evolution of structural and communicative traditions of analysis of politics that takes place in modern sociological science. Development and fixing of spatial subjects (the topology) within the limits of communicative tradition and heuristic potential of the spatial approach to the analysis of politics are analyzed.

Keywords: theoretical reflection; structural-functional analysis of politics; topology; informatively-cybernetic model of the political system; communicative paradigm; informatively-communicative potential of politics.

Социальное пространство современного общества насыщено сложными процессами, которые вызваны трансмиссией информационных потоков и коммуникативными взаимодействиями. Иманентно присущий им динамизм, главным источником которого становится ускоренная модернизация технологий передачи знаков и смыслового содержания, добавляет пластичности социальным структурам, социокультурным комплексам и ценностным практикам индивидов и сообществ. Именно поэтому институциональное и ценностно-нормативное реконструирование социально-экономических, политических и духовно-моральных областей общественных систем происходит во все более короткие промежутки времени, становясь чуть ли не перманентным событием.

В политической сфере ближайшим следствием этого реконструирования выступает возникновение феноменов, которые имеют иную, по сравнению с традиционно присущий ей элементами, онтологическую природу. К таким феноменам принадлежат формирование публичной политики, актуализация публичных арен, развитие сетевой логики политического взаимодействия, виртуализация политики. Новые модальности политики, которые продуцируются этими феноменами, являются очень сложными и неоднозначными по влиянию на отдельные социальные подсистемы. Именно они на данный момент недостаточно изучены, о чем свидетельствует разноректорность, а иногда и противоречивость, теоретических подходов, идей и гипотез, их изучающих.

Разработке данной проблемы в социологии посвящены работы таких отечественных исследователей, как А. Ручка, Н. Костенко. Подходы, представленные в работах украинских исследователей, органически дополняют структурную теорию политической системы К. Дойча, анализ публичных арен Ч. Л. Боска и С. Хилгартнера, а также работы таких российских ученых, как А. Соловьев,

М. Грачев, М. Раскладкина, С. Лещева, которые исследуют коммуникативные аспекты политических взаимодействий.

В пределах коммуникативного подхода к исследованию политики работают также М. Дефлер, Е. Деннис, Ж. -М. Коттре, Л. Пай, Р. -Ж. Шварценберг, Д. Ольшанский, в исследованиях которых описываются механизмы и составные политико-коммуникативных процессов.

Цель данной статьи заключается в *теоретическом синтезировании результатов эволюции структурной и коммуникативной традиций анализа политики, которая происходящей в современной социологической науке.*

В теоретической рефлексии в разных вариантах возникали гипотезы о возможности формирования пространства, обладающего специфическими политическим информационно-коммуникативным потенциалом и ресурсом. Поиск онтологических оснований для становления такого пространства политики и то, как они осмысливаются современными исследователями, результировался в идентификацию условий его реконструирования, детерминированных информационными новациями и глобализационными процессами, а также в определение информационно-коммуникативного ресурса пространства политики.

В работах Г. Зиммеля, Э. Гидденса, М. Кастельса происходит переосмысление конструкта, который репрезентует социальное пространство, в категориях социологической науки, которая дает возможность исследователям интерпретировать его в контексте теории социального поля П. Бурдьё, топосов и т.п. Так, в *структурно-функциональном анализе* политика рассматривается как сложное целое (система), которая, в свою очередь, равно как и любой другой объект, может быть представлена и как структурный или функциональный элемент социального целого (макросистемы). Закономерным становится также выдвижение на руководящие исследовательские позиции коммуникативного подхода к исследованию политики, основные принципы которого были сформулированы в работах Х. Арендт, Г. Фуко, П. Далгена, Дж. Кина.

В своей монографии «Политика и общество: социально-философские аспекты взаимодействия» российский исследователь А. Стризое пишет о четырех структурных уровнях, а соответственно – и о четырех уровнях анализа политического пространства.

Первый из них, самый глобальный, охватывает анализ естественно-географических факторов политической деятельности, что составляет предмет геополитики и политической науки в целом. Собственно социальный момент здесь появляется тогда, когда определенное географическое пространство связывается с теми или иными социальными реальностями, а затем непосредственно с политикой. Естественно-географические факторы политики, наряду с экономико-географическими, оказывают значительное влияние на этнические, поселенческие, профессиональные общности. Сложность геополитического анализа состоит, в частности, в том, что указанные общности далеко не всегда или весьма поверхностно политизированы. Политизация здесь идет прежде всего на уровне отдельных индивидов, представляющих часто наиболее образованную и культурную часть этих первичных общностей.

Второй уровень – это социальное пространство, охваченное политической деятельностью и политическими процессами и потому квалифицирующееся как политическое. На этом уровне речь идет об определении масштаба происходящего: микро-, макро- или мегаполитическое. На данном уровне политического пространства разворачивается процесс политизации всех первичных социальных общностей, протекающий в разных формах. Оба описанных нами уровня анализа политического пространства имеют дело с реалиями, где объективные факторы оказываются доминирующими. Политика скорее приспосабливается к ним как к данности, скорее использует их, чем преобразует и конструирует.

Третий уровень анализа политического пространства в значительной степени субъективен по своей природе. Это управляемое пространство, в котором различные политические организации занимают то или иное положение. Конфигурация этого пространства меняется в зависимости от действий власти, оппозиции, центра. Центр этого пространства непостоянен и переходит от одного субъекта к другому вместе с инициативой в политической деятельности, вместе с ее влиянием и результатами. Именно этот уровень политического пространства стал предметом пристального анализа в работах П. Бурдьё и его последователей. Первичные социальные общности врываются в это пространство эпизодически, в периоды политических кризисов, массовых политических кампаний, являясь источником помех и искажений, разрушающих сложившуюся и привычную для профессионалов систему координат.

Наконец, *четвертый* уровень анализа политического пространства сосредоточивается на том, что обычно именуется пространством политического согласия. Субъективный момент политической деятельности здесь наиболее выражен: пространство диалога, как правило, зависит не от жесткости идеологических догм, а от гибкости политиков, их умения и желания договариваться. Центр этого

пространства еще более неустойчив в зависимости от конкретных личностей, что делает само пространство объектом преимущественно социологического и политологического внимания [1, с.134].

Таким образом, пространственность (топологичность) характеризует политику как объемно-пространственную среду, в которой деятельность борющихся за власть сил локализована в определенных точках, местах, участках территории. Причем в каждом политическом локалитете существуют собственные возможности для политического участия и волеизъявления населения, а, следовательно, складываются свои практики, конкретные политические институты и структуры, способы их функционирования и другие параметры организации политической жизни. Иными словами, с этой точки зрения политика представляет собой разновидность пространства, в одних частях которого складываются интенсивные политические отношения, а в других конкуренция за власть существенно ослаблена.

Пространственная тематика находит отражение и в коммуникативном анализе политики, где рассматривается как специфический вид социальной коммуникации, формирующий особые отношения между действующими субъектами, отражающими определенное состояние самого общества. Об изначальной ограниченности бытия политики как свободного общения в пространственном отношении пишет в своих работах Х. Арендт. При этом, как отмечает исследовательница, имеется в виду не только географическое и правовое пространство общества, но и особое, не совпадающее с формальной законностью пространство, в котором возможно общение свободных граждан как равных с равными [2, р.40-41].

Деятельность и коммуникация субъектов, взятая в своей сущностной характеристике, задает, по мнению Х. Арендт, типичные масштабы бытия политического, его основные измерения, подобно тому, как задавались типичные интервалы и ритмы политического бытия, поскольку политика, как и иные «виды деятельности, служащие для сохранения жизни, не просто наличествуют в государстве, но и определяют структуру государственного пространства» [3, р. 47]. Более того, «характер публичного пространства меняется в зависимости от того, какого вида деятельность в нем осуществляется» [3, р.47]. Насыщенность и разреженность пространства, его конфигурация, соотношение в нем объективно заданного и субъективно привнесенного непостоянны и обусловлены многообразием формальных, внешних параметров политического общения. Данные положения позволяют более адекватно интерпретировать полиморфизм и топологическую разнородность современности.

Для Х. Арендт феномен политики выражается в состязании действий и слов таким образом, что «действие и слово проявляются в сфере, охватывающей отношения между людьми. Они обращаются к окружающей индивида среде, в которой и происходит превращение действия и слова в игру, хотя их собственное содержание совершенно объективно» [3, 172- 173].

Таким образом, в политике на объективном уровне связывают и разделяют индивидов реальные интересы, но субъективно, в пространстве жизненного мира, эту же роль играют действия и речь.

Идею информационно-кибернетической модели политической системы, в которой эта система выступает как сеть коммуникаций и информационных потоков, разрабатывал последователь Винера К. Дойч. В его модели основная роль отводилась правительству как субъекту государственного управления, который мобилизует политическую систему путем регулирования информационных потоков и коммуникативных взаимодействий между системой и средой, а также отдельными блоками внутри самой системы [4].

Но помимо общетеоретических вопросов (таких, например, как определение коммуникативной природы политического, анализа структуры политического пространства и т.д.), в русле коммуникативной парадигмы рассматриваются и изменения, которые стали определять облик политического пространства в конце XX столетия – явления модернизации, массовой политики и т.д. Массовизация политики, начавшаяся с процессом становления массового общества в конце XIX – начале XX столетия с развитием новых технологий приобрела глобальные масштабы и перевела политическое в пространство публичности и массовой репрезентации. Суть массовизации состояла в десакрализации политического, в формировании такого уровня участия в политике народной массы, что политика стала восприниматься как практика повседневности, которая пронизывает все элементы повседневного бытия. Политика реализовывалась в виде эффективных символов и массовых «карнавалов», поддерживаемых возможностями медиа, коммуникаций и технологий.

Массовая политика и мобилизация при авторитарных режимах, и в особенности их символические измерения, были главными вызовами для либеральных демократий, поскольку, как пишет Дж. Мосс, «парламентские республики были естественным образом неспособны сконструировать эффективные репрезентации самих себя так же, как не смогли породить национальные празднества» [5, р. 72].

В итоге до и в особенности после Первой мировой войны центр национальной политики перенесся «за пределы королевских дворцов, парламентских зданий, закрытых политических клубов – в армейские

бараки, общественные скверы, на фабрики, спортивные стадионы и в женское тело. А антилиберальные режимы с различной степенью эффективности энергично разворачивали политику символов, мобилизационные кампании и массовые организации в рамках базировавшихся на массах диктатур. То была форма массового участия преимущественно без политической власти, но не без содержания и последствий» [6, с. 259].

Массовизация политики является одним из процессов модернизации общества, который определяется как формирование, развитие и распространение современных политических институтов, практик, а также современной политической структуры. Массовую политику и модернизацию объединяет убежденность в важности для развития общества научно-технического прогресса. Ученые, разрабатывающие теории модернизации (У. Ростоу, Р. Арон, Д. Белл и др.), считали, что в основе общественного развития лежит прогресс в экономике и технологиях, ведущий к повышению жизненного уровня и решению социальных проблем. При этом на политические институты возлагается функция приспособления политической системы к изменяющимся условиям, к вызовам современности, поскольку именно они в наибольшей степени способны обеспечивать адекватное реагирование. Однако единства мнений относительно движущей силы процесса политической модернизации в западной политической науке не существует. Наиболее общепризнанной является позиция Г. Алмонда и Л. Пая, утверждающих, что политическое развитие опирается на процесс постоянного совершенствования функций, которые должна выполнять политическая система для обеспечения стабильности и эффективности всего социального организма.

Помимо политического аспекта (который можно определить как процесс демократизации), для модернизации социальной системы особенно значимым является аспект коммуникативный, получающий реализацию в различных своих проявлениях.

Так, например, представители «консервативного» направления – С. Хантингтон, Дж. Нельсон, Х. Линц и др. – считали, что главной проблемой модернизации является конфликт между мобилизованностью населения, его включенностью в политическую жизнь и институционализацией, наличием необходимых структур и механизмов для артикулирования и агрегирования их интересов. В то же время неподготовленность масс к управлению, неумение использовать институты власти (а, следовательно, и неосуществимость их ожиданий от включения в политику) способствуют дестабилизации политического режима [7].

Сторонники «либерального» направления (Р. Даль, Г. Алмонд, Л. Пай и др.) под основным содержанием модернизации понимали формирование открытой социальной и политической системы путем интенсификации социальной мобильности и интеграции населения в политическое сообщество. Главным критерием политической модернизации они считали степень вовлеченности населения в систему политического представительства: характер и динамика модернизации зависят от открытой конкуренции свободных элит и степени вовлеченности рядовых граждан в политический процесс. Условием успешной модернизации, по их мнению, является обеспечение стабильности и порядка (с помощью диалога между элитой и населением) и мобилизации масс.

Научно-технический прогресс, благодаря которому происходит «осовременивание» общества, тоже связан с коммуникативным аспектом. Именно информационные технологии обеспечивают возможность перехода от традиционных ценностей и общественных структур к современным, рациональным ценностям и структурам. Таким образом, сама теория модернизации получает в коммуникативной парадигме специфическое развитие, которое локализуется в проблемной зоне определения последствий модернизации, именно тех из них, которые связаны с коммуникативной составляющей.

По мнению С. Лэша и Дж. Урри, специфика современной социальной реальности состоит в том, что в ней традиционная социальная структура начинает заменяться информационными и коммуникационными структурами, которые пересекают условные границы традиционно выделяемых сфер общества [8, р.14]. Это порождает целый ряд интерпретаций последствий модернизационных изменений, например, явления массовизации политики и модернизации, согласно версии Р. Мюнха, ведут к «размыванию» границ политического, к «поглощению» политическим социальным. В этом ключе немецкий исследователь писал о том, что «... время собственно политического кончилось. Успех или неуспех политических мероприятий все менее решает правильность самих мероприятий в себе и все более решает способ их публичной тематизации. Политика диктуется драматургией публичного представления» [9, с. 119]. В противовес Мюнху, российский ученый В. Мельник считает, что, наоборот, происходит активизация значение и роли политической сферы общества [10], что объясняется усилением управленческих процессов, необходимых для обеспечения стабильного развития социальной системы.

Следовательно, в политическом и социокультурном пространстве активизируются ассимиляционные процессы.

А.М. Раскладкина, сравнивая информационное и политическое пространства, указывает на следующее: «Информационное пространство общества структурируется социальной информацией, функционирование же информационно-политического пространства обуславливается коммуникативными отношениями, системами обратной связи и опосредованными действиями агентов» [11, с.59], что, безусловно, исключает растворение политического в каком-либо ином пространстве.

«Примирительной» для двух точек зрения может выступить версия, авторы которой делают акцент не на проблеме поглощения или непоглощения, а на проблеме взаимодействия социальной и политической сфер общества, совпадения или несовпадения политического информационного пространства. Так, анализируя состояние политического пространства, С. Лещев обозначил его как явление, которое находится в процессе постоянной трансформации: сфера политического то расширяется за счет сферы социального, то сужается, оставляя за своими пределами публичную и частную сферы, то модифицируется под коммуникацию [9, с. 126].

С. Алексухин, еще один российский исследователь, в своей версии отталкивается от идей М. Кастельса о пространстве информационных потоков как открытом социальном пространстве информационной эпохи и П. Шампана – о степени доминирования социальных агентов и их зависимости от встроенности в логику самого информационно-политического пространства [12]. Он предлагает расширить политическое пространство до символических границ информационного, определяя, таким образом, политическое пространство как пространство больших открытых политических систем и составляющих их субъектов политических взаимодействий [13], и провозглашает формирование единого информационно-политического пространства.

Более традиционный взгляд на коммуникативные возможности политического пространства представлен в теории Х. Арендт. В своих работах она отмечала: «В отличие от экономической структуры, политическая структура не может расширяться до бесконечности, так как она основывается не на производительной силе человека, которая действительно бесконечна» [9, с.121]. Следовательно, политическое пространство ограничено в своих возможностях впускать в себя новые элементы но, соответственно, и само не стремится к передаче части своей территории другим социальным подсистемам. С мнением Х. Арендт солидарен и А. Соловьев. Он считает, что такие особенности политики, как обращение в ее пространстве «... текстов, представляющих собой продукт коллективного творчества и направленных на обеспечение информационных контактов между политическими группами по строго фиксированной в каждый конкретный момент проблематике» исключает совпадение социального и политического информационных пространств [14, с. 8].

Таким образом, проведенный в статье анализ позволил определить следующее:

Переосмысление возможностей структурной и коммуникативной традиций анализа политики стало закономерной научной реакцией на те изменения, которые происходят в политике под воздействием процессов, вызванных информационными новациями современного общества.

Эвристический потенциал структурно-функционального анализа, в рамках которого политика рассматривается как сложная система, которая, в свою очередь, может быть представлена как структурный (или функциональный) элемент социального целого (макросистемы), проявился в переосмыслении такого конструкта, как социальное пространство, в категориях социологической науки, что дает возможность исследователям интерпретировать его в контексте теории социального поля П. Бурдьё, топосов и т.п.

Пространственная тематика, в свою очередь, нашла отражение и развитие в коммуникативном анализе политики, которая рассматривается в рамках этого подхода как специфический вид социальной коммуникации, формирующий особые отношения между действующими субъектами, отражающими определенное состояние самого общества.

Коммуникативный анализ политики, в свою очередь, рассматривает изменения, которые стали определять облик политического пространства в конце XX столетия – такие, как явления модернизации, массовой политики и т.д.

Такое многообразие версий и интерпретаций политического пространства позволило также зафиксировать наметившуюся в социальных науках тенденцию, согласно которой последствиями модернизации становятся структурные трансформации этого пространства. Фиксация такой тенденции, в свою очередь, актуализировала вопрос о том, насколько можно и нужно искать причины этих трансформаций в каком-то одном направлении: связывать их только с процессами, которые инициируются модернизацией, или только с коммуникативными особенностями этого пространства.

Литература:

1. Стризое А.Л. Политика и общество: социально-философские аспекты взаимодействия / А.Л. Стризое. – Волгоград : Издательство Волгоградского государственного университета, 1999. – 340 с.
2. Arendt H. Was ist Politik? Fragmente aus dem Nachlass / H. Arendt. – Munchen; Zurich: Pieper, 1995. – 133 p.
3. Arendt H. Vita activa oder Vom tutigen Leben / H. Arendt. – Munchen : Pieper, 1960. – 152 p.
4. Дегтярев А.А. Основы политической теории / А. А. Дегтярев. – М. : Высшая школа, 1998. – 236 с.
5. Mosse G. L. Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich / G. L. Mosse. – New York: Howard Fertig, 1975 – 252 p.
6. Мишель Фуко и Россия : сб. статей / под ред. О. Хархордина. – СПб. ; М. : Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001. – 349 с. – (Европ. ун-т в Санкт-Петербурге. Труды ф-та полит. наук и социологии. – Вып. 1).
7. Кутуев П.В. Соціологічні теорії модернізації у 50-60-х роках ХХ століття: навчальний посібник / П. В. Кутуєв. – К. : Сталь, 2007. – 130 с.
8. Lash S. Economies of Signs and Space / S. Lash, J. Urry. – L. : Sage Publ, 1994. – 360 p.
9. Лещев С.В. Коммуникативное, следовательно, коммуникационное : монография / С.В. Лещев. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 172 с.
10. Мельник В.А. Современный словарь по политологии / В.А. Мельник. – Минск : Книжный Дом, 2004. – 640 с.
11. Раскладкина М.К. Информационно-политическое пространство: концептуальная модель / М.К. Раскладкина ; отв. ред. И.Д. Алекперов. под общ. ред. И.Н. Розиной // Вестник Российской коммуникативной ассоциации. Теория и практика коммуникации : сб. науч. трудов. – Ростов-на-Дону : ИУБип, 2006. – Вып. 4 – С. 55–71.
12. Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра / П. Шампань – М. : Socio-Logos, 1997. – 317 с.
13. Алексухин С.И. Логика информационно-политического пространства / С.И. Алексухин // Государственная информационная политика: концепции и перспективы : сборник статей / составитель Е.П.Тавокин. – М. : РАГС, 2001. – С. 28–36.
14. Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации / А. И. Соловьев // Полис. – 2002. – № 3. – С. 5–17.